

суда. «Избавите обидима, судите сироте, оправдайте вдовицу», — цитирует он пророка Исанию и снова в другом месте повторяет этот совет уже от себя: «вдовицу оправдайте сами, а не вдавайте сильным погубити человека».

Та же пропаганда социального мира, охраняющая феодальные порядки и зывающая к смирению угнетенных, прониживает и «Сказание о чудесах».

Мы уже отмечали сюжет «справедливого суда» в рассказе о сухорукой. Здесь эта тема преподносится уже не от лица земных владык, но от лица самих святых князей. Они показывают образец правдолюбия, «оправдав» дорогобужскую вдовицу и отменив свое же несправедливое возмездие ей.

Этот же сюжет с еще большей остротой разрабатывается в знаменитом рассказе о чуде с узниками. К сожалению, он лишен той исторической и топографической конкретности, которой характеризуется рассказ о сухорукой; может быть, это потому, что он целиком — плод вымысла, имевшего определенную практическую цель; мы не знаем ни места, где это событие произошло, ни его даты, хотя в «Сказании» назван даже день чуда — «баше же в днь четвертък», а само событие кажется происшедшим в Вышгороде. Существенно, что в «Чтении» событие приурочено ко времени Ярослава, здесь же оно с легкостью перенесено во времена Святополка. Изменение редакции рассказа об узниках от «Чтения» к «Сказанию» говорит о нарастании остроты вопроса о несправедливом суде.

В «Чтении» еще по существу нет мотива несправедливого суда. Старейшина града осудил неких мужей и посадил их в погреб. Здесь они раскаялись «о первом согрешении своем», призывая помощь Бориса и Глеба. Святые не замедлили торжественно явиться на конях, предшествуемые отроком со свечой; освободив узников, они сказали, что в связи с их раскаянием судья не сможет сотворить им никакого зла и отпустит их с миром. На крик узников, изумленных видением, прибежали сторожа и увидели, что узилище разметано. Сторожа известили о чуде судью, тот еще расспросил о чуде самих узников, изумился, отпустил их с миром и извещил об этом «христороубца» Ярослава. Князь приказал заровнять место темницы и создать на нем церковь во имя святых князей, которая якобы «и донныне есть». Нестор заключает свой рассказ указанием, что святые князья таким же образом освобождали многих закованных в железа и заточенных в погребах не только в этом городе, но и «на всех местех». Это такое же «аморфное» чудо, как и все рассказы о деятельности святых князей как целителей. Мораль рассказа Нестора проста: суд в общем прав, наказание — средство для покаяния, покайтесь и помолитесь Борису и Глебу, и судьи отпустят вас с миром.⁷⁰ С. А. Бугославский считает, что Нестор переработал материал «Сказания» из сочувствия Святополку, при котором история с узниками и произошла. Переработка материала была произведена «настолько, что он возможно меньше напоминал о действительно совершившемся событии», и хотел обезличить рассказ.⁷¹ Как увидим далее, Нестор сокращал не «Сказание о чудесах», которого еще не было, а вышгородские записи.

Совершенно иначе звучит рассказ «Сказания», полный драматизма и реальных подробностей. От Нестора заимствован по существу лишь сюжет, и то в самой общей форме — освобождение узников, но сама аранжировка рассказа обрела неслыханную для церковного, житийного повествования социальную напряженность и остроту. Как и рассказ о сухорукой, этот

⁷⁰ Д. И. Абрамович. Жития ..., стр. 20.

⁷¹ С. А. Бугославский. К вопросу..., стр. 165—167.